

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧУВАШЕЙ ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИКИ, ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ, ГЕНЕТИКИ И ДРУГИХ НАУК**

The origin of Chuvashes according to linguistics, history, archeology, genetics and other sciences

В статье на основании исследования лингвистических, археологических, антропологических, этнографических, генетических и других факторов, делается вывод о происхождении чувашей в результате смешения древнего пратюркского абашевского населения с тюркоязычными суvarами

Ключевые слова: чувашаи, болгары, сувары, абашевская культура, Дагестан, Поволжье, тюрки, гаплогруппа

In the article on the basis of the study of linguistic, archaeological, anthropological, ethnographic, genetic and other factors, a conclusion is drawn about the origin of the Chuvashes as a result of mixing of the ancient Praturka Abashev population with Turkic-speaking Suvars

Keywords: Chuvash, Bulgars, Suvars, Abashev culture, Dagestan, Volga region, Turks, haplogroup

Большинство исследователей считает чувашей потомками волжских болгар. Есть мнение, что чувашаи потомки савиров (сувазов), ушедших на север, в леса, после отказа принимать ислам вместе с остальными суvarами в 922г. [19]. Существует также гипотеза, согласно которой чувашаи – аборигены края, среди которых осели скотоводы-тюрки, образовав добулгарское племенное объединение с преобладанием тюрков и их языка. После прихода на Волгу болгар, чувашское племенное объединение в силу общности языка и некоторых других особенностей легко ассимилировалось с ними [15].

Булгарская гипотеза

Хотя чувашаи относятся к тюркоязычным народам, их язык заметно отличается от других тюркских и вместе с древнебулгарским языком выделяется в особую группу, названную булгарской. Вместе с тем, существуют письменные доказательства того, что булгарский язык относился к обычным тюркским 3-языкам и его выделение в одну группу с чувашским р-языком, неправомерно, и, соответственно, волжские болгары не являются предками чувашей.

1. М.Кашгари, отмечая близость булгарского, суварского и кыпчакского языков, пишет, что звук ʒ (в других переводных изданиях обозначен как «д»), присущий речи

Жикил (чигилов) и других тюрков, заменяется на з в языке кыпчаков, ямаков, сувар, болгаров и далее до Рус (русских) и Рума (римлян) [26, с.71].

Здесь важны два момента: 1). языки кыпчаков, ямаков, сувар и болгар перечисляются как однотипные; 2). ничего не говорится о ротацизме, характерном для чувашского языка. Речь идет только о взаимозаменяемости д-з, которая наблюдается до настоящего времени в тюркских языках обычного огузокыпчакского типа. Следовательно, для болгарского языка ротацизм не был характерен (впрочем, как и для суварского).

2. В 1183г. владимирский князь Всеволод перед походом на Булгар сообщил киевскому князю Святославу: «Половец же призывать не хочу, ибо они с болгары язык и род един» [36, с. 128].

3. На территории Вожской Булгарии найдены надгробные памятники двух стилей. Наиболее ранний памятник 1-го стиля датируется 1173г. и такие памятники известны в период Казанского ханства. Язык эпитафий тюркский, на основе которого позже сформировался татарский литературный язык. Поскольку в домонгольский период в Волго-Камье не было иных мусульман, кроме болгар, эти эпитафии могут принадлежать только им. О принадлежности эпитафий болгарам говорят также содержащиеся в них собственно болгарские тахаллусы (имена обозначающее происхождение из племени или местности) «аль-Болгари» и «ас-Сувари», которых никто, кроме болгар, написать не мог.

Памятники 2-го стиля (более 200 штук) похожи на древние чувашские языческие надгробия, а по внешней форме и по тексту эпитафий имеют аналогии только в мусульманском Дагестане. Появились эти памятники после нашествия монголов: самый ранний памятник датирован 1281г., самый поздний 1361г., после чего они внезапно исчезли и больше не появлялись. Наибольшее количество их было изготовлено в годы правления золотоордынского хана Узбека (1313-1342 гг.). Распространены они на небольшой территории, в радиусе около 150-200 км вокруг низовья Камы. Расположены на татарских кладбищах. Причем на одних и тех же кладбищах с памятниками 1-го стиля. Эпитафии на них написаны на смешанном арабско-тюркско-чувашском языке. Поэтому, несомненно, что эти памятники принадлежали чувашам, принявшим ислам и при этом, находившимся на стадии обугаривания.

Исчезновение памятников 2-го стиля в 1361 г., по-видимому, связано с тем, что в этом году Булгарский улус был разгромлен войсками золотоордынского эмира Булат-Тимура. Именно тогда прекратилось производство каменных надгробий как 1-го, так и 2-го стилей. Лишь в 1380-х гг. снова стали появляться каменные стелы, но с эпитафиями только на болгаро-татарском и арабском языках. Очевидно, к тому времени чуваша-мусульмане полностью утратили свой чувашский язык.

Считается, что обычай сооружать каменные памятники пришел в мусульманский мир от древних иудаистов, фетишировавших камень как место очищения души умершего. Этот обычай затем распространился в Хазарском каганате, среди ортодоксальных мусульман, обитавших преимущественно в Северном Дагестане. В Булгар этот обычай принесли хазарские последователи ортодоксального ислама - мухаккики [17].

Палеографический тип эпитафий 2-го стиля, по мнению М.З.Закиева и Я.Ф.Кузьмина-Юманэди, сформировался на территории Булгара вследствие слияния привнесенных с юга, по-видимому, дагестанских эпиграфических традиций с традициями сооружения местных чувашских языческих надгробий. Во внешнем очертании памятники эти сохранили прямоугольную форму чувашских каменных надгробий, а в текстах эпитафий и в стиле арабского письма переняли дагестанские традиции [17].

Из Дагестана в Булгар пришел также обычай ставить каменные памятники бедным людям. Об этом свидетельствует появление в крае множества примитивных надгробий. Около 60-70% всех памятников 2-го стиля было посвящено небогатым людям, не имевшим ни громких титулов, ни длинных родословий. На некоторых памятниках встречаются также звания рабов и рабынь - хум и higi-хум [17].

Косвенным доказательством того, что язык булгар был кыпчакским (или огузокыпчакским), является также то, что, что языки казанских татар и балкарцев, которые не контактируют с VI в., очень близки друг другу.

Кроме языковых есть и другие доказательства того, что булгары не являются предками чувашей. В частности, не подтверждается происхождение чувашей от булгар археологическими данными. Раскопки показывают, что на территории расселения чувашей булгарские археологические памятники как домонгольского, так и золотоордынского времени отсутствуют, если не учитывать восточной и юго-восточной части Чувашии, связанных с бассейном Свияги [17].

На отсутствие преемственности между булгарами и чувашами указывают их антропологические типы. В.П. Алексеев пишет, что в краниологии чувашей ясно выражены два типа: субуральский (преобладает среди финноязычных народов Поволжья) и кыпчакский, а характерный для булгар комплекс признаков в составе чувашей не улавливается [2, с.248-249]. В то же время, булгарский комплекс признаков составил основу формирования антропологического типа поволжских татар [2, с.241-246]. По

64 Байтасов Р.Р.

мнению других антропологов, «...чувашаи генетически равноудалены не только от родственных тюркоязычных народов, как Поволжья, так и Казахстана и Средней Азии, но и в такой же степени удалены и от неродственных, но географически близких удмуртов и русских» [45, с. 81-101].

Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что чувашаи не являются потомками булгар. Поэтому рассмотрим гипотезу о происхождении чувашей от савиров (субар).

Савирская гипотеза

На происхождение чувашей от савиров может указывать их самоназвание. Есть сведения, что в 1780-х гг. чувашаи называли себя «сепирсем». В современном чувашском языке сохранился термин «сепир» – так называли тех, кто участвовал в Пугачевском восстании.

Известно, что первоначально термин «чуваши» не был этнонимом. Так, например, под служилыми чувашами (чювашиами) в XVI–XVIII вв. понимались татары, марийцы, удмурты, мордва, несшие засечную и военную службу, а под ясачными чувашами (мордва, марийцы, удмурты, татары, русские) – тяглое население Среднего Поволжья, в XVI–XVII вв. платившее государству «ясак» (ренту-налог). Как только «ясачный чювашин» становился служилым, он начинал называться служилым татаринном. Есть мнение, что чувашами называли также людей исповедовавших языческую религию, а предков нынешних чувашей вплоть до начала XVIII в. называли «горными черемисами» или «черемисскими татарами». Термин «черемис» означал «храбрый воин» или «лесной человек».

Нужно отметить, что слово «сувар» в древнеиранском языке означает «наездник», а более ранняя форма «сабир» происходит от арабского «мирный», «смирный», «кроткий» [12]. В связи с этим интересно, что Ю.Немет считал тюркский этноним чуваш идентичным волжско-тюркскому слову *živaš* «спокойный, скромный, мирный» [31, с.302], а М.Фасмер - татарскому слову *džuvaš* «мирный, радушный», киргизскому *džuvaš, juvaš* [41, с.376]. Т.е. в своей основе, слово «чуваши» является арабизмом, попавшим в тюркские языки из арабского непосредственно, или через древнеиранский язык.

Косвенно связь чувашей с суварями подтверждают сохранившиеся в их языке слова и словосочетания типа «савир», «супар», «сапир», «сепир», «сумлă ар» «сума савар», «сăваплă ар», «савар», «сывар», «суар – сунă ар», а также фамилии: Сабировы, Сабитовы, Самарейкины, Саперовы, Савириновы, Себириновы, Суворовы, Субаровы и т.д. [3]. Подтверждением того, что чувашаи могут быть потомками суваров, является также то, что марийцы называют чувашей – суаз, а горные мари именуют чувашей суасла мари, т.е. «суасские люди».

Поэтому рассмотрим, кто такие савиры (сувары). Согласно наиболее распространенной версии савиры – кочевые племена, населявшие со II в. Западный Прикаспий. Считается, что в Прикаспий савиры переселились из Западной Сибири, куда пришли из Центральной Азии вместе с гуннами. Согласно преданиям тобольских татар, народ савыр (сабыр, сыпыр (манси — сипыр, сепыр, супыр, супра; ханты — себар, шабер)) жил по среднему и нижнему течению Иртыша. Местные курганы и городища называют савыр-туба и савыр-кала. В фольклоре эвенков савыр — земля к западу от их обитания, где живут конные люди [54].

Первое известие о савирах оставлено Птолемеем [53], который помещал их в списке народов Сарматии ниже аорсов и пагиритов возле Рипейских гор. Вместе с тем, нужно принять внимание и сведение о том, что «булгары, обитавшие к северу от Кавказских гор, в 149–127 гг. до Р.Х. вторглись в Армению» [10], поскольку древние авторы зачастую под булгарами и савирами понимали один и тот же народ.

В 463г. савиры потерпев поражение от аваров ушли в северный Дагестан, потеснив оттуда болгарские племена. Они основали царство Сувар (или Джидан) в междуречье Терека и Волги (между нижним течением реки Сулак и городом Дербентом), столицей которого

был город Варачан. Есть мнение, что он располагался южнее Терека (возможно на месте нынешнего Буйнакск).

Хотя у савиров был правитель с титулом «эльтебер» (древнетюрк. «йылтывар» - князь всего народа), главы отдельных родов враждовали между собой. Одни из них выступали союзниками византийцев, другие – персов, что привело к ослаблению государства. В 562 г. они потерпели поражение от персидского шаха Хосроя, который поселил пленных савиров в Кавказской Албании, в районе Кабалы. Остальные ушли в Дагестан. У каспийского прохода для защиты от набегов савиров Хосрой построил крепость Дербент.

В VII-начале VIII вв. остатки савиров жили в низовьях р. Кумы и в Северном Дагестане, они подчинялись хазарам и были известны под именем «гуннов» (хонов).

Несмотря на то, что большинство авторов представляет савиров кочевниками, у них было развитое земледелие. На это указывает тот факт, что этнотамга сувар, чеканившаяся на их монетах, представляла собой изображение плуга [24]. Сабан - тяжелый плуг с резцом, лемехом и отвальной доской, известен у серебряных болгар. Он использовался на Дону, Украине и Кавказе с VIII в. У чувашей подобный плуг под названием акапус (агабусь) известен с древних времен [24]. Чувашаи кроме тяжелого плуга использовали соху – черкушу (суха, сухапуҫ) [24]. Одни исследователи производят чувашское название сохи от новоперсидского *šax* – «ветка, сук, рог» [24]; другие – из русского – соха [15]. Вместе с тем, это слово может иметь и более глубокие корни: японское *suk*- 'пахать',

'чесать', *suki* 'лопата', 'плуг' ~ маньчжурское *сухэ* 'топор', индонезийское *sungkal* 'лемех',

тюркское *suqı* 'щекотать', татарское *сука-лау* 'пахать' (ср. чувашское *суха*, русское *соха*) [35, с.19].

Священным деревом у савир был дуб. Особым почитанием у них пользовался вековой величественный дуб в окрестностях Варачана. Почитаемым деревьям приносили в жертву лошадей. Считается, что культ священных деревьев савиры переняли у народов Кавказа. Главным божеством у савиров был владыка неба Тенгри, которого чувашаи называют Тура. Есть мнение, что культ Тенгри савиры восприняли от гуннов, когда вместе с ними жили в Западной Сибири. Вместе с тем, имя бога Тура в различных ипостасях фиксируется во многих древнемесопотамских текстах (*тур-тур*, *ситурри*, *аматура* и т.п.), в то время как общетюркское Тенгри у чувашей не зафиксировано.

В 682 году эльтебер Алп Илитвер принял христианство. Он срубил священный дуб в окрестностях Варачана и соорудил из него огромный крест. Он также уничтожил святилища и идолов савиров, а жрецов казнил, тем самым пытаясь заставить своих соплеменников принять христианство. Однако, основная масса населения не приняла новую религию.

С 706г. началась борьба савиров с арабами. В 736 г. арабский полководец Мервали вторгшись со 150-тыс. войском в земли савир разрушил Варачан. После этого часть савир ушла на запад и расселилась между Донцом и Днестром, возможно, приняв участие в формировании Волынцевской культуры (археологическая культура раннего

Средневековья (VIII—IX века), расположенная в междуречье Днепра и Дона) и восточнославянского племени северян (севрюков). Основная масса савиров вместе с булгарами переселилась в Среднее Поволжье, где в Xв. они построили город Сувар.

Субстратные болгарские явления в языках нахо-дагестанских народов (например, одно из названий кожи в нахских языках, является болгаризмом, произошедшим от пратюркского названия кожаной обуви (чарьки) [10]), кумыков, осетин (слово Двалети и название осетин-туальцев, восходит к болгарскому *tul* - верх, верхняя сторона) и др., выявленные Г.-Р.А.-К. Гусейновым показывают, что часть савиров осталась на Кавказе и участвовала в формировании вышеназванных народов. Г.-Р.А.-К. Гусейнов полагает, что носители нахско-дагестанских языков мигрировали из Передней Азии в нынешнюю Восточную Грузию к началу I тыс. до н. э., а затем – на Северо-Восточный Кавказ после второй половины I тыс. н. э. [11].

О пребывании предков чувашей в Дагестане до их переселения на Волгу свидетельствуют и другие данные. Так, по группам крови в системе АВ0 наиболее близки чувашам лакцы. Этот факт может свидетельствовать о длительном проживании по соседству двух народов [25] или об ассимиляции лакцами какой-то группы, родственной предкам чувашей.

Типологически наиболее близкой чувашской народной вышивке, является вышивка акушинских даргинцев. Также близка типологически их резьба по дереву [51]. Отдельные артефакты чувашской резьбы по дереву (столбы ворот, резные ковши) указывают на Дагестан как центр происхождения их стиля. Наиболее древние артефакты чувашского традиционного костюма прослеживаются в районе Закавказья во II - I тыс. до н.э. (халат шупар, полный женский наряд чувашей анатри, тухья, хушпу, сурпан и т.п.) [25].

Подтверждение контактов предков чувашей с Ираном являются древние заимствования в чувашском и древнеиранском (персидском) языках, а также мифология [16, с.254].

О проживании предков чувашей на юге, по мнению исследователей, свидетельствуют древнейшие праиндоевропейские взаимозаимствования, появившиеся в суваро-булгарском языке в пратюркскую эпоху. Кроме того, идентичные с чувашскими древнесемитские, шумерские, древнеармянские, картвельские, индийские и др. слова, подтверждают их когда-то совместное проживание и взаимовлияние языков [47]. Например, название долины у чувашей восходит к субаро-хурритскому кругу: *Awag*, *k/xawt* (хур.) поле, надел > вар, тарънвар, хир (чув.) «долина, ложбина, земля, поле, глубокий овраг» > кыр (тюрк.) «поле». А название поля, по-видимому, имеет пратюркское происхождение [24].

О пребывании болгар в Кахетии может свидетельствовать название княжества Эрети (груз. *Hereti*), возникшего в середине VIII века (в период господства арабов) со столицей в Шеки. В грузинской форме основы данного хоронима *Heret-i* идентифицируется пратюрк.

*her 'муж', имеющее параллели в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, праалтайского характера, что, наряду с праалтайским показателем мн. ч. **-t'* может говорить о его более древнем субстратном характере [10]. На наличие тюркских заимствований в картвельском указывает Г.А.Климов [18], но никак не комментирует эти

факты. Г.-Р.А.-К. Гусейнов отмечает наличие прото(палео)тюркские элементы, проникших в сванский язык через посредство восточнокавказских языков [50].

На связи чувашей с древним Востоком указывает наличие у них пивоварения, которое уходит корнями в цивилизации Египта, Шумера и Месопотамии, а также названия ряда праздников, например, Акатуй (посевная свадьба), сходного с шумерским праздником, посвященным началу пахоты akitu «сев Нанны»; калъм (калъм хывни — жертвоприношение (чув.)), соответствующий древнему хетто-хаттскому обрядовому циклу Килам (ворота), сопровождавшемуся приношением в жертву «года».

Вместе с тем, подтверждением того, что савиры когда-то проживали далеко на востоке могут быть древнекитайские, сюннские (хуннские/гуннские, дошедшие до нас в китайской транскрипции) слова в чувашском языке [47], а также вышеприведенные данные из работы Г.-Р.А.-К. Гусейнова [10].

Таким образом, вполне уместно считать, что чуваша являются потомками савиров, которые прожили на Кавказе более 1 тыс. лет. В то же время, происхождение чувашей от савиров не объясняет тот факт, что М.Кашгари, относит язык суваров, как и болгарский к з-языкам [26, с.71], а язык чувашей как нам известно является р-языком. К тому же, как показано выше, савиры имели развитое земледелие, а фольклор чувашей сохранил сведения, что их предки в добулгарское время занимались охотой и бортничеством, а потом перешли к мотыжному земледелию: начали обрабатывать землю кривой палкой, т.е. суком (хусак (тюрк, кадак — кол), диалектически шёпён, карлав). Еще в недавние времена этим орудием, представляющим собой узкую дубовую лопату шириной в 2—2,5 вершка, копали картофель [15].

Поэтому продолжим наши изыскания.

Абашевская гипотеза

Существует мнение, что чувашский – это до-(прото-)тюркский язык. В частности, в отличие от других тюркских языков, чувашский, как и шумерский и египетский, состоит из одних мягких звуков, в нём отсутствуют звонкие согласные (б, г, д, ж, з), а так называемые полувзвонкие, по мнению Б.А. Серебренникова, появились в нем в

«относительно позднее» время между VII—VIII вв. н.э. [47].

Помимо этого, чувашский язык содержит многочисленные следы взаимодействия с финно-угорскими языками. Так, например, в нем сохранились некоторые древние слова: калам кун — пасха (среда страстной седмицы), посвященная поминовению усопших. По верованиям чувашей, в этот день мертвецы оставляли свои могилы и шли к своим родным невидимо погостить у них до праздника серен или вирем; ср. финск. калмо — могила, г. Холмогоры < Калмо + кар — могильный город, т.е. город, построенный на кладбище; в чувашском и финском языках древнее слово кар обозначал город, ср. у коми Сыктывкар, у чувашей Шубашкар (Чебоксары) [15].

Многие явления общие в чувашском, финно-угорских и русском языках В.Г.Егоров склонен объяснять тем, что в состав чувашей и финно-угорских народов, а также восточных славян, вошли родственные группы аборигенного населения. В Чувашии еще в

1950-е гг. было много добулгарских названий селений и урочищ. Некоторые селения известны под тремя названиями, большинство под двумя. Три названия, по мнению В.Г.Егорова, это отложения трех социально-политических периодов исторической жизни чувашей. Одно из этих названий восходит к добулгарскому и булгарскому периоду; второе к периоду Казанского ханства; третье – связано с приходом русских. Например, добулгарское название Куснар, татарское Байгулово, русское село Троицкое или Троицкое-тож, Шёнерпуç — Бичурино — Воскресенское-тож, Кёчкей— Тимирчи — село Покровское, Тёмшер — Решетниково, Йёршер— Мартыново, Пармас — Аттиково, Муркар — Уразметево, Тупах — Тансарино, Кинчер — Янситово, Кёлкеш, Муркаш, Нарваш, Ураваш, Илебар, Ишек, Ишлей, Тимёш, Авруй и т.д. То же нужно сказать и о названиях разных урочищ [15].

Часть добулгарских топонимических названий Чувашии, по мнению В.Г.Егорова, связана с названиями древних чувашских племен. К ним относятся, названия с окончанием на -мае, -мес: Тёрлемес, Ителмес, Пармас, Кашмас Туда и др., на -гаш, -геш, -ваш, -ваш-. Алгаш, Тигеш, Кёлгеш, Кушлаваш, Яваш, Нарваш и др. Названия с аналогичным аффиксом имеются и в удмуртском языке [15].

В.Г.Егоров считает, что многие чувашские языческие имена восходят к добулгарским племенным и родовым названиям чувашей и в виде фамилий (тавраш) сохранились до настоящего времени. К добулгарскому времени он относит имена:

а) на -мае, -мес: Арзамас, Атмас, Сармас, Ирмес, Ирчемес и др.

б) на -гаш, -геш\ Алгаш, Олгаш, Тайгаш, Иленгеш, Тигеш, Тюгеш и др.

в) на -ман, -мен, -ван: Араман (ср. авестийско-иранское Ариман <Ангро-Майню>), Арзаман (ср. эрзя), Кузман, Ахтаман, Ильмень (ср. озеро Ильмень), Эльмень, Альмень, Севан, Селиван и др.

г) на -мар, -мер, -дер: Самар, Самарка, Идимер, Кизимер, Ендимер, Семендер, Имендер, Ишедерь, Сюдарь и др.

д) на -мат, -мет: Ахмат, Самат, Сурмат, Сармет, Ирметь, Кальметь, Карметь, Ильметь, Шеметь, Семеть, Кнеметь и др.

Например, имена с аффиксом на -мар, -мер, -мат, -мет, известны у древних шумеров, финского племени меря, современных марийцев, а также у исторических сарматов. С последним племенным названием несколько созвучны чувашские имена Сармет, Сурмат и название злого духа Киреметь. Упомянутое выше Кнеметь похоже на древнерусское кьметь, восходящее к доисторическому времени [15].

Как показывает В.Г.Егоров некоторые языковые данные свидетельствуют об доисторической этнической общности чувашей и восточных славян. Например, вполне соотносимы чувашский обряд (праздник) вирём и русские суеверные обычаи, связанные с вербой и праздником вербного воскресенья и др. Указанные выше чувашские языческие имена Ильмень, Кнеметь (ср. кьметь?), Смерт (ср. смердь), Кострома, Хоре (скифское?), Ериле (ср. Ярила) и название трех селений Шемертен (ср. русск. Смердино), могут быть

свидетельством того, что одни и те же племена вошли как в состав чувашей, так и в состав русских [15].

По мнению В.Г.Егорова чувашский народ и язык формировались на нынешней территории в течении многих столетий в процессе взаимодействия различных этнических и культурных элементов. Первоначально в период абашевской культуры, происходило смешение доисторических разноразличных местных племен, с охотничьим и рыболовным типом хозяйства, и несколько позднее осевших здесь тюрков-скотоводов, давшее в результате этническую подоснову чувашской народности. Потом, с приходом на Волгу болгар начинается тесное сближение чувашей с булгарами, особенно с отдельным племенем — суварами, вместе с которыми они образуют крупное племенное объединение с главным городом Сувар и даже с чеканкой своей монеты. После же завоевания Булгарского царства монголо-татарами (1236г.) и окончательного разорения его Булат Тимуром (1361г.) часть болгар, преимущественно сельское языческое население, переходит к родственным чувашам, другая, главным образом городская, мусульманская часть объединяется в отдельную народность и позднее составляет основное ядро населения Казанского ханства [15].

С мнением В.Г.Егорова можно согласиться, за исключением одного момента – разделения населения абашевской культуры и тюрков-скотоводов, ставших этнической подосновой чувашской народности. Абашевцы – это и есть древние тюрки, языковые предки чувашей.

Абашевская гипотеза в свете современных научных данных

Абашевская археологическая культура бронзового века второй половины III тыс. до н.э. и начала II тыс. до н.э. (по радиоуглеродным образцам 2140—1740гг. до н.э.), была преимущественно распространена в лесостепной зоне. Внутри культуры выделяются доно-волжская (бассейн Дона, правобережье Волги), средневожская (бассейн Средней и Верхней Волги) и уральская (Южный Урал) общности.

Судя по работам археологов, она имеет сложное происхождение. С.В.Кузьминых и Р.А.Мимоход полагают, что керамический комплекс средневожской абашевской культуры, наиболее ранней из абашевских (2140–1870 ВС), по морфологии и орнаментации сходен с посудой центральноевропейских культур, в частности, группы Адлерберг (вариант унетичской культуры), а в производных от нее доно-волжской абашевской культуре и южноуральской абашевской культуре этот компонент уже существенно нивелирован. Кроме того, в Европе есть прямые аналогии абашевским украшениям (спиральные пронизи, очковидные подвески, сферические бляшки с двумя отверстиями) и комбинациям их расположения в костюме. Поэтому, по их мнению, средневожская абашевская культура сформировалась в результате миграции населения из Карпато-Балканского региона и южной Германии в Поволжье [23, с.43].

По мнению В.В.Ткачева и А.И.Хаванского, абашевская керамика сформировалась под влиянием культур гребенчатого геометризма и населения, составлявшего северо-восточную периферию катакомбной общности. В частности, меандр на керамике южноуральской и волго-донской абашевской культур имеет разное происхождение. В Приуралье абашевцы, видимо, заимствовали некоторые идеологические установки и мифологемы из среды носителей традиций гребенчатого геометризма, например,

стилизованное изображение водоплавающей птицы, всегда передававшейся в профиль, поскольку значительная часть меандровых фигур на керамике абашевской культуры Приуралья представлена «уточками». В керамике из памятников волго-донской культуры и позднекатакомбной культурной группы Приуралья известны изображения меандра, связанные с иной мифологической концепцией, в рамках которой такой орнамент представляет собой стилизованную реализацию змеевидного мотива. Присутствует меандр также в памятниках вольско-лбищенской культурной группы, в которой четко видны катакомбные черты [37, с.112-113].

В свою очередь, В.В.Рогудеев увязывает меандр с кавказским влиянием. Он отмечает, что на триалетской посуде встречаются свастики и меандр, восходящий к куро-аракскому орнаменту; на бронзовой бляхе из могильника Эгикал (погребальный памятник куро-аракской культуры на территории Ингушетии) представлен усложненный меандр [33, с.104]. Куро-аракские каменно-ящичные погребения Эгикала датируются концом III тыс. до н. э. [34].

Меандр обнаружен также на деревянной чаше в поздней катакомбе на окраине г. Ростова-на-Дону (курганный могильник Западный II, 1/35) и на небольших круглодонных чашах ингульской катакомбной культуры. Ингульские катакомбы по форме сближаются с более ранней ростовской катакомбой погребения 35 и соответственно, деревянные круглодонные орнаментированные чаши из-под Ростова послужили образцами для ингульских сосудов, а не наоборот [33, с.104].

Косвенным доказательством продвижения меандра в Приуралье с юго-запада, является преемственной уральской металлообработки средней и поздней бронзы с катакомбной [20].

По мнению О.А.Мочалова на керамике Доно-Волжской абашевской культуры видно влияние фатьяновской (ярославской группы фатьяновской культуры) керамической традиции [28]. В свою очередь, особенно близки фатьяновским сосуды среднеднепровской и жуцевской культур, а наиболее западные аналогии отмечены на сосудах амфорного типа Центральной и Западной Европы [28].

Справка. Жуцевская культура (III—начало II тыс. лет до н. э.) располагалась на побережье Гданьского Калининградского заливов, доходя на севере Куршского залива и далее до современного посёлка Швянтойи в Литве [48]. Сложилась до появления культур шнуровой керамики на основе нарвской при взаимодействии с культурами шаровидных амфор и шнуровой керамики. Эволюционировала в культуру самбийских курганов, а последняя – в западнобалтскую.

Среднеднепровская культура (3200-2300 до н.э.) - археологическая культура бронзового века в Среднем Поднепровье (нынешние юго-восток Беларуси, юго-запад европейской России и север Украины). Относится к культурам шнуровой керамики. Археологи видят ее «корни» в позднем Триполье [32], в катакомбной культуре [8], ямной, с дальнейшим развитием во взаимодействии с катакомбной и Волынской мегалитическими культурами, а также киево-софийской группой памятников позднего Триполья [4; 5]. Кроме того, О.В.Кузьмина предполагает, что в основе формирования традиций изготовления

абашевского топора, лежат фатьяновские традиции изготовления втульчатого топора. При этом территория распространения абашевских и фатьяновских топоров совпадает [22].

О.А.Мочалов отмечает также связи орнаментации абашевской керамики и балановской. В частности, «шахматные» мотивы из четырехугольников: в виде лесенок, заштрихованных квадратов и прямоугольников на миниатюрных острореберных сосудах средневожской абашевской культуры, в более ранний период есть на балановской керамике, являясь в обеих культурах центральными. В неолите-бронзе такой орнамент известен на европейской керамике, а в мезолите им украшались в Европе глиняные поделки и статуэтки [28]. Здесь нужно отметить, что балановская культура, как показано выше, наряду с фатьяновской имеет северо-центральноевропейское происхождение. Истоки антропологического типа балановцев прослеживаются в междуречье Днестра и Вислы [1].

Антропологи говорят об отсутствии какого-либо единства краниологического типа носителей абашевской культурно-исторической общности. Черепа из могильников Ольгаши, Абашевский, Тауш-Касинский обнаруживают морфологическое сходство с краниологическими сериями фатьяновской культуры Волго-Окского междуречья [9, с.151]. Краниологические особенности населения, оставившего Пепкинский курган, указывают на отсутствие генетической связи абашевцев с носителями ямной культуры и ее наличие с населением культур шнуровой керамики [9, с.151]. Зафиксированный краниологический морфологически негроидный (псевдонегроидный) комплекс на женском черепе из Катергино-Бишево обнаруживает некоторые аналогии среди местного неолитического населения (Гавриловская стоянка балахнинской культуры) и с некоторыми черепами из Балановского могильника [9, с.151]. Вместе с тем, по мнению А. В. Шевченко, зафиксированный среди абашевских черепов негроидный комплекс, как и узколицый европеоидный вариант, является отражением влияния западноевропейских групп, которые имели до проникновения на восток так называемые евро-африканские связи [44].

Интересно, что усредненный краниологический комплекс, свойственный людям, погребенным под Пепкинским курганом (ныне Р. Мари Ел) абашевской культуры А.В.Шевченко обозначает как сиро-палестинский [44].

Основу хозяйства абашевцев составляло животноводство (преобладал крупный рогатый скот и свиньи), в т.ч. коневодство, охота и земледелие. У них был развит культ огня и солнца. Они умели изготавливать повозки. В поздний период они активно контактировали с населением покровской и синташтинской культур. При этом, в процессах культурогенеза ключевая роль принадлежала абашевской общности, а также населению, оставившему сейминско-турбинские памятники.

По поводу Синташты у археологов нет единого мнения. В.В.Ткачев, А.И.Хаванский считают, что «генетические корни синташтинской керамики в области формообразования восходят к абашевской культуре (в ее приуральском варианте) и культурам катакомбной общности (в первую очередь волго-донской)» [37, с.110]. «Синташтинская система орнаментации наследует уже сложившиеся в недрах абашевской культуры Южного Приуралья стереотипы декорирования посуды, включая основной набор элементов,

способы их компоновки в мотивах, композиционное построение и даже стилистические особенности» [37, с.110-111].

О.Д.Мочалов отмечает местные орнаментальные традиции синташтинской керамики, но не формы сосудов, многие орнаментальные мотивы и сам принцип построения декора. По его мнению, значительное влияние на формы сосудов и часть орнаментов оказали связи с Кавказом и Средней Азией на юге, а именно, населением степей Доно-Уральского региона, в первую очередь, относящиеся к памятникам полтавкинской и волго-донской культур, предкавказских культур и близким к ним типам, во вторую очередь катакомбное, которое также испытало влияние Волго-Уралья [29, с.201].

В.В.Ткачев, с целью выяснения исходных составляющих синташтинского культурного комплекса проанализировал погребальную обрядность, гончарные традиции, военное снаряжение и производственные орудия, одежда и гарнитур украшений. Он отмечает, что географически ареалы распространения синташтинских и позднекатакомбных памятников Приуралья практически совпадают, при этом часто погребения обеих культурных групп находятся в одних и тех же могильниках и даже курганах. Кольцевая планировка синташтинских некрополей и конструктивные особенности синташтинских подбоев и катакомб (они практически идентичны финальнокатакомбным), видимо, обусловлены катакомбным и в определенной мере северокавказским воздействием. Практически неотличим от катакомбного характер жертвоприношений в синташтинских усыпальницах. Это касается видового состава, а также принципа отбора и размещения частей туши животного. Очень близки комбинации предметов в катакомбных и синташтинских захоронениях. Вероятна преемственность традиции использования колесного транспорта в погребальной обрядности.

Наблюдается преемственность абашевского и синташтинского комплекса вооружения и основного набора производственных орудий, но они модифицируются под воздействием турбинских металлургических традиций. Синташтинские ножи, в основе абашевские, трансформировались под воздействием катакомбных и турбинских металлообрабатывающих традиций. Синташтинские каменные проушные топоры типологически тождественны северокавказским топорам кабардино-пятигорского типа и вероятно, заимствованы с Северного Кавказа. Псалии ведут свое происхождение из позднекатакомбной среды. Костяные и роговые детали сложного составного лука, костяные панцирные пластины, найденные в синташтинском могильнике Каменный Амбар V в Зауралье, идентичны деталям оборонительных доспехов, в большом количестве обнаруженных в сейминско-турбинском могильнике Ростовка IV в Западной Сибири. Синташтинский костюм принесен из катакомбной общности, но испытал сильное влияние абашевского. Локализация украшений на синташтинском костюме практически полностью сопоставима с катакомбной и распределением украшений на костюме населения северокавказской культуры. Из абашевской культуры переняты традиция шитья мелким бисером, пронизями и бляшками, а также сложный составной накошник и связанный с ним головной убор в виде расшитой шапочки или ленты со свисающими подвесками, традиция украшения рук браслетами, перстнями и кольцами. Металлические украшения демонстрируют преемственность абашевских и синташтинских ювелирных традиций. Украшения из фаянса, камня и кости сопоставимы с изделиями из финально-катакомбных памятников. Наибольшие типологические схождения наблюдаются

изделиями из комплексов манычского типа на Нижнем Дону, в Предкавказье и Северо-Западном Прикаспии, а также из среднедонских катакомбных погребальных комплексов [38].

В.В.Ткачев отмечает, что «Практически все стереотипы, зародившиеся в синташтинское время, будут унаследованы алакульской культурой, что отчетливо проявляется на петровском этапе» [38].

Р.А.Мимоход полагает, что практически все вышеперечисленные черты в Синташте, связываемые с позднекатакомбными культурами и Северным Кавказом, принесены в Приуралье населением лолинской культуры (XXII-XVIII вв. до н.э.), которая сформировалась в результате взаимодействия населения восточноманычской катакомбной и культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа, прежде всего, гинчинской и присулакской [27]

С.А.Григорьев возникновение синташтинской культуры связывает с миграцией из Передней Азии, с территории Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии, прилегающей к Большой излучине Евфрата [49].

Можно согласиться с мнением Е.Е.Кузьминой, что памятники синташтинского типа «представляют сочетание разнокультурных и, соответственно, разноэтничных компонентов и не могут рассматриваться как самостоятельная культура» [21, с.76] и

«характеризуют хорошо известный в истории человечества этап распада, трансформации и формирования новых этносов, которому предшествует период культурного коллажа и билингвизма, завершающийся культурной стабилизацией и победой одного языка» [21, с.76-77].

Здесь нужно вспомнить, что на территории Северной Месопотамии и прилегающих областей в XVII—XIII вв. до н.э. располагалось государство Миттани, население которого разговаривало на аккадском и хурритском языках. При этом, в хурритском языке обнаружен индоарийский субстрат (адстрат). Хурриты Миттани поклонялись индоарийским божествам Митре, Варуне, Индре, их цари имели двойные имена, индоарийское и хурритское. Совокупность имеющейся информации позволяет предположить, что миттанийские арии – это предки, точнее «братья» предков ведических ариев, затем оказавшихся в Индии. Локализуют древнейших миттанийцев в районе оз. Урмия в Северо-Западном Иране. Эту область древние греки во второй половине I тыс. до н.э. называли Матиеной или Матианой, и она является составной частью ареала, в котором мною на основании лингвистических, антропологических, археологических и генетических данных, локализуется прародина индоевропейцев [6]. Поэтому, посткатакомбное население, с большой долей вероятности, было индоарийским, а абашевское - пратюркоязычным.

Исследователи отмечают присутствие в чувашском языке около четырех сотен общих с восточноиранскими слов, восходящих к пратюркскому состоянию [47]. Возможно, данный факт объясняется участием посткатакомбного населения в формировании чувашей. Необходимо учитывать мнение В.В. Напольских, который утверждает, что

контакты финноугорских языков с индоарийским, уже после распада общеарийского языка, осуществлялись в первой четверти II тыс. до н.э. На это указывают:

«заимствование части таких слов (финско-саамское *terne ‘молозиво’ ~ др.-инд. taṅṇa- ‘телёнок’ при ав. tauruna- ‘дитёныш’; ф.-перм. *śuka ‘зерно, мякина’ ~ др.-инд. śūka- ‘зерно’ при ав. sūkā- ‘игла’; ППерм *sur “пиво” ~ др.-инд. sūgā ‘алкогольный напиток’ при ав. hugā)» [30]. Поэтому, слова, считающиеся в чувашском языке восточноиранскими, вполне могут оказаться индоарийскими. Может быть и ситуация, имеющая место в осетинском языке. Г.-Р.А.-К. Гусейнов отмечает, что, многие черты осетинского языка, считающиеся восточноиранскими, имеют болгаро-огузское происхождение и могли появиться в осетинском языке в то время, когда предки осетин стали продвигаться из Закавказья на Северный Кавказ [11].

Тот факт, что абашевцы могли быть тюрками подтверждают генетические исследования, проведенные в последние годы.

Данные по генофонду чувашей говорят о чрезвычайной сложности их этногенеза: R1a-M558 (18,6%), R1a-M458 (4,7%), R1a-Z282 (2,3%), R1a-Z2125 (2,3%), R1b-Z2105 (2,3%), I-M253 (7%), I-P37.2 (4,7%), J1-M267 (2,3%), J2a-M410 (9,3%), J2b-M12 (4,7%), E-M78 (14%), N-TAT (18,6%), N-P43 – 9,3%) [40].

Y-гаплогруппа E у чувашей имеет балканское происхождение [56]. Здесь можно вспомнить вышеприведенный негроидный (псевдонегроидный) череп из абашевского могильника, поскольку гаплогруппа E пришла из Африки в Европу относительно недавно, 7-8 тыс. лет назад [7]. В хорватской пещере Земуника (Zemunica Cave), обнаружен, по-видимому, наиболее ранний в Европе субклад E1b1b1a1b1 возрастом 5500 лет до нашей эры [57].

Гаплогруппы J1 и J2 могут иметь как кавказское (нахо-дагестанское), так и древнее степное происхождение и попасть к чувашам, возможно, с савирами, долго контактировавшими с нахо-дагестанцами в Закавказье. Нельзя исключать также вариант с посткатакомбной лолинской культурой, пришедшей на Урал из района с высокой концентрацией данной гаплогруппы.

Гаплогруппы N-TAT и N-P43 могли попасть к чувашам как в Поволжье, так и к савирам в Западной Сибири.

Местное, поволжское происхождение имеют, по-видимому, гаплогруппы I-M253 и I-P37.2.

С наибольшей частотой у чувашей представлена гаплогруппа R1a-M558 (18,6%). R1a-M558, обнаружена во всех популяциях Волго-Уральского региона, за исключением башкир. С максимальной частотой она встречается в популяции мордвы – 32,2%. Она также распространена у коми (18,0%), бесермян (16,98%), мари (15,9%), казанских (7,5%) и туймазинских (6%) татар и удмуртов (1,9%). Кроме того, R1a-M558 с частотой от 10 до 33% распространена в других регионах России. В Польше и Западной Беларуси ее концентрация превышает 26%. С низкими частотами она встречается в Западной Европе и

на Балканах [40]. Вполне возможно, что это гаплогруппа абашевцев и именно с ней связаны первоначальные носители прачувашского языка. Тем более, что результаты исследования В.Г.Егорова показывают, что одни те же группы древнего добулгарского населения вошли в состав чувашей, финно-угров и восточных славян.

Встречающаяся у чувашей с частотой 4,7% гаплогруппа R1a-M458, имеет преимущественно восточно- и центрально-европейское распространение – ее частота превышает 20% в Чехии, Словакии, Польше и Западной Беларуси, с меньшими частотами (11-15%) она встречается в России и на Украине. С низкими частотами R1a-M458 встречается на Кавказе, где наиболее распространена в популяции карангайцев (7,9%).

В Волго-Уральском регионе R1a-M458 с наибольшими частотами встречается в популяциях удмуртов и казанских татар: 7,7% и 7,6% соответственно. Ее встречаемость в популяциях коми (4,0%) и мордвы (1,7%), а в популяциях марийцев, туймазинских татар, бесермян и башкир она отсутствует. Распространение гаплогруппы R1a-M458 на Восток ограничивается Уральскими горами [20]. Несмотря на то, что R1a-M458 широко распространена у славян, ее родительская ветвь R1a-458* обнаружена у ногайцев, каракалпаков, балкарцев и башкир [55].

Гаплогруппа R1a-Z2125 встречается с высокими частотами в Кыргызстане и среди пуштунов в Афганистане (более 40%), а также в других афганских этнических группах (более 10%). С частотой более 10 % она была обнаружена и в некоторых этнических группах Кавказа и Ирана. В Волго-Уральском регионе R1a-Z2125 с большей частотой встречается в популяции башкир (31,0%) [40]. У чувашей ее немного и к ним она могла попасть недавно от соседних народов.

R1a-Z2125 близкородственна исследованным образцам палео-ДНК из Синташты. Образец RISE386 (субклад Z2121/S3410+Z2124+, YP1460+. Вероятно, образец может относиться к субкладу YP1460, параллельному к Z2123) (Буланово, Синташта, 2298-2045 гг. до н.э.) оказался близкородственным субкладу, предковому для 40% кыргызов и значительной части литовских татар, а также казахов (племя табын). Образец RISE392 (Степное 7, Синташта, 2126-1896 гг. до н.э.) относится к ветви Z93>Z94>Z2124>Z2125>Z2123>Y877. Наиболее близкими данному субкладу являются популяции пуштунов, индусов, башкирских кыпчаков и еланов, карачаево-балкарцев, башкирских табынов [52].

Доказательством принадлежности всех линий гаплогруппы R1a, а также R1b, пратюркам может быть обнаружение у северных алтайцев гаплогруппы R1* (еще не дифференцированной линии R1), не представленной в современных европейских популяциях [42].

Как известно, наиболее близкими к праиндоевропейскому состоянию, являются языки балтских народов. Исследования лингвистов показывают, что субстратом для древних балтов в Прибалтике могли быть прототюрки. В частности, тюркский субстрат в латышском выявила Г.Шуке [46]. В генофонде латышей гаплогруппа R1a составляет 40% (N1c1 38%, R1b 12%, I2a 1%).

Ю.Н.Дроздов [13; 14] исследовал этнонимии древнеевропейских племен и народов по данным античных и раннесредневековых письменных источников и пришел к выводу, что она тюркоязычная.

В.Таули отмечает, что тюркский компонент уральских языков, «по-видимому, является более древним, чем компонент индоевропейский [39]. О наличии «...древних (на уровне уральского праязыка) связей между уральскими и алтайскими языками...» пишет В.В. Напольских [30].

О том, что тюрки издавна проживали в Европе, пишет Е.А.Хелимский «...остается неясным - и трудно укладываемым в какую-либо топохронологическую схему - происхождение немногочисленных, но чрезвычайно ярких лексических параллелей между тюркскими, с одной стороны, и прибалтийско-финскими и саамским, с другой стороны, языками (при отсутствии соответствий в других уральских языках), ср. фин. агра "орудие колдовства": тюрк. агра- "колдовать" (ностратическое происхождение сомнительно), приоб.-фин. *käkrä "косой" : тюрк. *käkgü 'то же' и др.» [43].

Таким образом, можно полагать, что носителями древнего чувашского языка, было население абашевской культуры, которое сумело сохранить пратюркский р-язык в условиях относительной изоляции в лесной зоне Поволжья. Впоследствии на него наложился близкий к кыпчакскому з-язык суваров (савиров).

Список цитируемых источников

1. Акимова М. С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Бадер О. Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Прил. – С. 322–362
2. Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии / Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. - Казань: АН СССР, 1971. - С. 232—255
3. Алмантай В. Н. Кто мы — суваро-булгары или чувашаи? Очерки. Изд. 2-е, сокр. — Чебоксары, 2011. — 78 с.
4. Артеменко И. И., Среднеднепровская культура // Советская археология, 1963. - № 2. – С.12-37
5. Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. - М.: Наука,1967. — 134 с. — (Материалы и исследования по археологии СССР. Т.148)
6. Байтасов Р.Р. К вопросу о прародине индоевропейцев // Проблемы современной науки и образования / Problems of modern science and education. 2015, № 3 (33). - С.22-34
7. Байтасов Р.Р. Корреляция языковых семей и Y-гаплогрупп // Проблемы современной науки и образования. Научно-методический журнал. 2014, № 1 (19). - С.24-32

8. Брюсов А.Я. Восточная Европа в III тысячелетии до н.э. // Советская археология, 1965, № 2. -С.47-56
9. Герасимова М.М., Васильев С.В., Тюрин Р.А. Антропологические особенности населения абашевской культуры Подонья (по материалам могильника Второй Липецкий курган) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология», 2016. Т. 18. - С. 143–163
10. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые индоарийские лексические элементы нахско-дагестанских языков в контексте локализации регионов их первоначального и последующего распространения // Европейское языкознание и классическая филология 2015. Т.19. - С.193-202
11. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Об одной из вероятных областей первоначального распространения нахско-дагестанских и осетинского языков, или ещё раз о северокавказских аланизмах // Colloquia-Classica et Indo-Germanica - VI. Памяти Л.Г.Герценберга. - СПб: Наука, 2014. - С.515-535
12. Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. — 23 с.
13. Дроздов Ю.Н. Тюркская этнонимия древнеевропейских народов М., 2008. – 392с.
14. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период европейской истории. – М.; Ярославль: ООО ИПК «Литера», 2011. – 600с.
15. Егоров В.Г. Этногенез чувашей по данным языка // Советская этнография. – 1950, № 3. - С.79-92
16. Егоров Н.И. Примечания // Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. — 255с.
17. Закиев М.З., Кузьмин-Юманádi Я.Ф. Волжские болгары и их потомки. — М.: ИНСАН, Российский фонд культуры, 1993. —160 с.
18. Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. - М., 1994. – 249с.
19. Ковалевский А.П. Чуваша и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1954. 64с.
20. Корневский С. Н. Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т, 1983. - С. 96-109
21. Кузьмина Е.Е. Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003. – С.76 - С.76-77

22. Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003. - С.92-102
23. Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы. – СПб., 2016. – С.39-44
24. Мадуров Д.Ф. Земледелие чувашского народа: истоки и традиции // Краеведение в Чувашии: исторический опыт, проблемы и перспективы. Материалы Региональной научно- практической конференции Чувашского государственного педагогического университета, 8 октября, 2013. - Чебоксары, 2014. - С. 87-108
25. Мадуров Д.Ф. Переднеазиатско-чувашские культурные параллели. // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Материалы научно-практической конференции. 19-20 декабря 2006 г. Книга 2. — Чебоксары, ЧГИГН, 2009. - С. 360-382
26. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / З-А. М. Ауэзова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 1288 с.
27. Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Москва, 2013
28. Мочалов О.Д. «Шахматный» орнамент и культурные связи Волго-Уралья в развитом бронзовом веке // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003. – С.116-123
29. Мочалов О.Д. Происхождение керамики синташтинских памятников: история изучения и состояние проблемы // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. - С.193-204
30. Напольских В.В. Предыстория народов уральской языковой семьи / История татар с древнейших времён в семи томах. Т.1. Народы степной Евразии в древности. Ред. С.Г.Кляшторный. Казань, 2002. С.195–203
31. Немет Ю. К вопросу об аварах / пер. с нем. И Г. Добродомова. // Turcologica. К 75-летию академика А.Н. Кононова. — Л.: Наука, 1976. — С. 298—305
32. Пасек Т.С. К вопросу о среднеднепровской культуре // КСИИМК, 1947. - Вып.16. - С. 34-51
33. Рогудеев В.В. Орнамент «меандр» в степных комплексах среднего бронзового века // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в

- энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы. – СПб., 2016. – С.102-105
34. Ростунов В. Л., Хашегульгов Б. М. Датировка куро-аракских погребений Эгикальского могильника // Тезисы докладов на конференции Археология на новостройках Северного Кавказа. - Грозный, 1991. - С. 59-63
35. Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык / Н.А. Сыромятников. – 2-е изд. – М.: Вост.лит.,2002. – 176с.
36. Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. / В.Н.Татищев, АН СССР, Ин-т истории СССР. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964, Т. III. -334с.
37. Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры: монография. – Орск –Самара: Издательство ОГТИ, 2006. – 180с.
38. Ткачев В.В. К проблеме синташтинского культурогенеза // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Г.Б.Здановича: сб. науч. тр.: в 2 ч. Ч.2. – Челябинск: Изд-во Челяб. Гос. ун-та, 2010. – С.92-105
39. Таули В. О внешних контактах уральских языков Tauli Valter On Foreign Contacts of the Uralic Languages / Ural-Altische Jahrbücher. - 1955, XXVII, 1-2. - С. 7—31
40. Трофимова Н.В. Изменчивость митохондриальной ДНК и Y-хромосомы в популяциях Волго-Уральского региона. – Дис. канд. биол. Наук. - Уфа, 2015
41. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т—ящур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. - М.: Прогресс, 1987. – 864с.
42. Харьков В.Н., Степанов В.А., Медведева О.Ф., Спиридонова М.Г., Воевода М.И., Тадинова В.Н., Пузырев В.П. Различия структуры генофондов северных и южных алтайцев по гаплогруппам Y-хромосомы // Генетика, 2007. – Т. 43. – № 5. – С. 675-687
43. Хелимский Е.А. К топохронологии уральско-алтайских этноязыковых связей // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо. - М., 1991. - С. 26-29
44. Шевченко А. В. Антропология южно-русских степей в эпоху бронзы / А. В. Шевченко // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Л., 1986. – С. 121–215
45. Шнейдер Ю.В., Тихомирова Е.В., Лебедева Е.Г., Антропогенетическое исследование чувашей. // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 81-101
46. Шукс Г. Были ли латыши тюрками? Феномен обнаружения тюркского субстрата Прибалтики. – Даугавпилс, 2010. - 122с.
47. Ювенальев Ю.Ю., Ювенальев С.Ю. Культура суваро-булгар. Этническая религия и мифологические представления. - Чебоксары, 2013. - С. 13-19

48. Brazaitis, Džiugas. Agrarinis neolitas // Lietuvos istorija. Akmens amžius ir ankstyvasis metalų laikotarpis. - Baltos lankos, 2005. - Vol. I. - P. 224–231
49. Григорьев С.Г. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://kladina.narod.ru/grigorjev/grigorjev.htm>
50. Гусейнов Г.-Р.А.-К. К вопросу об области первоначального распространения нахско- дагестанских языков в контексте древних ареальных взаимоотношений языков Кавказа и исторически смежных регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eva.mpg.de/lingua/conference/07-CaucasusConference/pdf/final%20abstracs%20Russian/GusejnovAbstract.pdf>
51. Матдинова С. Чуваш: генетика, искусство, язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.proza.ru/diary/fetter/2016-12-14>
52. Сабитов Ж. Население Великой Степи в V-I тысячелетии до н.э. с точки зрения популяционной генетики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-history.kz/ru/contents/view/6720>
53. Салмин А.К. Савиры на Кавказе [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://suvar.org/books/salmin_a._k._savirih_na_kavkazye.pdf
54. Сыбыры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hmao.kaisa.ru/object/1810264077?lc=ru>
55. Татары R-M458 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://forum.tatist.ru/index.php?topic=76.0>
56. genofond.ru Лаборатория геногеографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genofond.ru/genofond.ru/index.html>
57. Mathieson I. et al. The Genomic History Of Southeastern Europe, 2017 [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://www.biorxiv.org/content/early/2017/05/09/135616>